

Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры

Цирель С.В.

Доктор технических наук,

Главный научный сотрудник

Санкт-Петербургского горного университета

Тема революций и революционных волн в современном мире, весьма актуальная со времен третьей и четвертой волн демократизации, приобретала особую актуальную на рубеже 2010 и 2011 гг., когда началась волна революционных событий в арабском мире. Арабская весна как волна революций и попыток совершить революции в странах Ближнего Востока стала полной неожиданностью для всех политологов, макросоциологов, футурологов и других специалистов, которым полагалось хотя бы допускать такую возможность. Рост нестабильности и возможность краха правящего режима в отдельных арабских странах, в том числе и в Египте, предполагался рядом исследователей (см., например, Зинькина 2010)), включая даже достаточно удачные прогнозы хода событий (Bradley 2008), но никак не синхронные революционные события в добром десятке стран. Также никто не предполагал, что первым павшим режимом будет экономически успешный и внешне стабильный режим Бен Али в Тунисе.

Однако прежде чем рассуждать о волнах революций, обратимся к самому понятию «революция» [1]. Существует множество определений социальных революций, настолько отличающихся друг от друга, что и списки исторических событий, считающихся революциями, также кардинально расходятся у разных исследователей. Например, на прошедшей в 2010 году в Москве международной конференции «Раннее Новое время в контексте всемирной истории» были поставлены под сомнение классические буржуазные революции Западной Европы.

В задачи настоящей статьи не входит полный обзор теорий и определений революций, это тема отдельного исследования; поэтому интересующихся данным вопросом я отсылаю к прекрасной обзорной статье Ж. Голдстоуна (Goldstone 2001) [2]. Я проанализировал ряд разных определений, но для того, чтобы работать именно с тем, что близко к общепринятому пониманию революций, за основу были взяты определения из «Википедии» [3], которая фактически в настоящее время стала первым справочником, к которому обращаются читатели (например, поэтому не рассматривается известное определение Ч.Тилли (Tilly 2003)). Фактически получается, что сам отбор определений, попавших в Википедию, уже в свою очередь влияет на мнение людей.

Также я с самого начала буду учитывать не только успешные революционные события (сменившие форму правления), но также и подавленные. Впрочем, из числа подавленных революционных событий к революциям я отнесу лишь те события, в которых успех был близок и возможен, а общее направление неосуществившихся изменений формы правления и других перемен было явно обозначено. Как мне представляется, большая часть исследователей такие события интуитивно также

включает в общий корпус революций и обсуждает наряду с успешными, тем более, что далеко не во всех случаях удавшиеся и почти удавшиеся революции можно различить между собой. Например, о степени удачности революции 1905 года существует множество противоречащих друг другу мнений

В Википедии представлено четыре определения, принадлежащие Ж. Гудвину, Т. Скочпол и Ж. Голдстоуну [4].

Согласно более широкому определению Ж. Гудвина (Goodwin 2001):

Революции - это все исторические события, в течение которых народные движения ниспровергают и затем трансформируют государство или политический режим неконституционным и/или насильственным образом.

Согласно узкому определению Ж. Гудвина (Goodwin 2001):

В более узком понимании к революциям относятся только те события, при которых массовая мобилизация и трансформации политического режима влекут за собой более или менее быстрые и фундаментальные социальные, экономические и/или культурные изменения во время или вскоре после борьбы за государственную власть.

Согласно определению Т. Скочпол (Skocpol 1979):

Революции - это быстрые фундаментальные преобразования состояния общества и классовой структуры: они сопровождаются и частично осуществляются восстаниями низших классов.

Согласно определению Ж. Голдстоуна (Goldstone 2001):

Революция - это попытка преобразования политических институтов и легитимации политической власти, сопровождаемая формальной или неформальной массовой мобилизацией и неинституционализированными действиями, которые расширяют существующую власть.

Легко видеть, что все эти определения (кроме широкого определения Гудвина) в общем достаточно близки между собой. Например, все они не включают в число революций верхушечные перевороты без участия народных масс, в том числе и те, которые привели к фундаментальным политическим, социальным, экономическим и культурным изменениям. И, наоборот, в число революций также не вошли народные бунты, сменили всех (или большую часть) властных персон, но оставили неизменный политический режим и его легитимацию (например, положили начало новой династии).

Но все же есть два важных различия, которые требуют специальных обсуждений и оговорок. Во-первых, только Голдстоун также, как и я, не требует от революций полного успеха. Во-вторых, согласно Гудвину, действия масс и являются основной силой преобразования политического режима и социального строя, а у Голдстоуна действия масс лишь обязательно сопровождают усилия, направленные на подобные преобразования. В определении Скочпол выражена промежуточная позиция. Как нам представляется, интуитивное понимание слова «революция» находится между этими первыми определениями, т.е. около позиции Скочпол, только и без ее указания на классовую природу революционных событий, ограничиваю-

шего исторический период, когда возможны революции. С одной стороны, как правило, формируют революционное правительство и создают новые политические институты не те люди, которые крушат Бастилию (хотя и необязательно – Кастро и Че Гевара были именно революционными вождями). С другой стороны, под определение Голдстоуна, как я понимаю, подпадает и ситуация, при которой слабое правительство, неспособное справиться с народными восстаниями, сменяется военной хунтой, железной рукой расправляющейся с бунтовщиками и изменяющей политический режим в направлении, противоположном их требованиям.

Поэтому, представляется, что в определение революции необходимо внести хотя бы некоторую созвучность лозунгов массовых движений и реально осуществившихся (или начавших осуществляться) социально-политических изменений. Естественно речь идет только о тех изменениях, которые произошли в период революции; конечный результат может быть очень далек не только от требований революционной толпы, но и от действий и стремлений первых революционных правительств.

В конечном счете, объединяя определения Голдстоуна, Гудвина и Скочпол, а также высказанные соображения, я прихожу к следующему определению:

Революция – это успешная или близкая к успеху попытка свержения существующего политического режима, фундаментального преобразования политических институтов и легитимации политической власти, осуществлявшаяся или стимулированная противозаконными и/или насильственными действиями народных движений и хотя бы частично отвечающая выдвигаемым ими требованиям.

Естественно, это определение, как и любое другое определение в общественных науках, является идеальным типом. И лишь немногие революции на 99 и более % в него уложатся, смысл определения именно в том, что приближение к нему дает большее право данному историческому явлению называться революцией.

Еще раз подчеркну, что данное определение требует изменения политических институтов и способа их легитимации, но не смены всех персоналий. Поэтому согласно данному определению перестройка в СССР близка к революции (хотя и несколько «не дотягивает» до нее по степени участия народных движений), несмотря на преобладание старой номенклатуры в составе новой власти. Также отмечу, что ни мое определение, ни другие приведенные определения ничего не говорят ни о прогрессивности, о развитии, ни о свержении каких-либо эксплуататоров или тиранов, ни об облегчении жизни народа. Революция может идти под любыми знаменами, в том числе самыми обскурантскими и регрессивными с нашей точки зрения.

Прежде всего попытаемся оценить, в каких исторических ситуациях могут происходить революции. Часто считается, что социальные революции связаны только с событиями Нового времени (см., например, Стародубинская и Мау 2004). Однако введенное определение (равно как и большая часть приведенных выше) не имеет прямой связи с политическими явлениями Нового времени, фундаментальные преобразования политических институтов под влиянием народных выступлений про-

исходили и в более ранние времена (хотя и реже, чем в Новое время). Поэтому попробуем посмотреть на данное явление в более широкой перспективе.

Одним из наиболее традиционных способов классификации стран и/или политических режимов всего исторического процесса до сих пор является оппозиция «Запад – Восток» (см., например: Васильев 1993; Кирдина 2001 и др.). Или, точнее, она, как правило, состоит в противопоставлении классических восточных деспотий как магистрального пути истории человечества (как минимум с III тысячелетия до н.э. вплоть до Нового времени или даже промышленной революции в Европе) всем остальным – западным, полузападным, вестернизированным, неопределившимся и т.п. политическим режимам.

1. Мы полагаем, что классическая восточная деспотия является устойчивой (и, по-видимому, тупиковой) линией социальной эволюции; при отклонениях от прототипа, связанных с перенаселением, коррупцией, конфликтом элит и т.д., она имеет очень хорошие шансы восстановления в своей исходной форме. Поэтому в классических восточных деспотиях с властью-собственностью, в том числе условной верховной властью на землю и другие природные богатства, преобладанием натурального хозяйства и редистрибутивного товарообмена и т.д. (при отсутствии сильных внешних воздействий) возможен только один тип революций. Единственным типом революций является реставрация исходной формы государственного строя (и обычно смена правящей династии). Природа этих революций связана с тем, что различные нарушения – повышение роли аристократии в ущерб монархии, развитие товарно-денежных отношений и рост имущественного неравенства, а также военные поражения, природные катастрофы и т.д. – делегитимизируют прежнюю власть. Революция не меняет, а, наоборот, восстанавливает и даже усиливает прежний традиционный (по классификации М. Вебера) тип легитимности. Например, восстание «Красных повязок» в Китае в XIV веке (Боровкова, 1971) вполне подпадает под сформулированное определение революции

2. В отличие от них в западных и близких к ним обществах возможны самые разнообразные основания легитимности (Аристотель 1983) и различные типы революций. Наибольшее количество примеров нам дают история Древней Греции, а также Северной Италии эпохи Возрождения.

3. В полузападных, неопределившихся и других традиционных обществах, не помещающихся в классификацию Восток-Запад, теоретически возможны как революции «остернизации», так и революции вестернизации. Однако фактически глубокие остернизации в традиционных обществах (в первую очередь Византия и Северная Африка) были скорее постепенными эволюциями, переворотами и внешними захватами, чем революциями. Единственным примером реальной революции остернизации является революция 1917 года в России (Цирель 2010), хотя, разумеется, это не единственный способ осмысления Русской Революции.

4. Классические буржуазные революции в Западной Европе согласно принятой трактовке – это переходы от традиционной легитимности к рациональной. Строго говоря, эти революции представляют собой частный случай революций в западных и полузападных обществах; тем не менее, нам представляется полезным выделить их в особый класс. Во-первых, из-за огромного значения для теории и практики ре-

волюционных движений Новейшего времени, во-вторых, из-за нетипичной направленности дальнейших изменений государственных институтов. Если в прежние времена (в античности, в Китае при переходе от эпохи Чжоу к эпохе Хань и даже при образовании абсолютистских режимов в Европе Нового времени) территориальное расширение, технический прогресс и усложнение обществ вели скорее к остернизации, чем к вестернизации, то эти революции вели именно к вестернизации, превращению Европы из географического понятия в политологическое.

5. Революции модернизации и вестернизации в незападных (в первую очередь восточных) обществах. Суть изменений государственных институтов в ходе этих революций складывается из очень разных явлений – копирования европейских институтов, традиционалистских ответов на западные влияния (Нефедов 2008), а также эндогенных трансформаций, типологически сходных с процессами в Европе Нового времени (Реформация, Просвещение, образование национальных государств). Однако провести классификацию революций Нового и Новейшего времени по этим явлениям невозможно из-за их сильного смешения едва ли не в каждой конкретной революции.

Например, революция 1917 года в России началась с копирования западноевропейских институтов, но закончилась построением общества, весьма сходного с восточными деспотиями, но числящего себя демократией, ориентированной на социальный и технический прогресс. Иранская революция 1978–1979 гг. началась, наоборот, как традиционалистская реакция на излишнюю вестернизацию (сочетающуюся с коррупцией и масштабными репрессиями) при шахе, однако в процессе создания исламского теократического государства с исламским правом также были установлены выборы президента и парламента. Сегодняшний Иран, несмотря на серьезные конституционные ограничения демократии, частые фальсификации при проведении выборов, высшую власть аятолл и даже полнейшую дикость вроде обвинений в колдовстве как метод политической борьбы, является одной из немногих мусульманских стран (наряду с Турцией и Ливаном), где существуют реальные политические партии и реальная борьба на выборах между ними. Более того, такое сочетание не может не вызвать ассоциаций с Европой раннего Нового времени.

Для анализа революционных процессов прежде всего необходимо, опираясь на составленное выше определение и известные исследования революционных ситуаций, сформулировать основные условия их формирования. Предложенный ниже список, как нам представляется, отличается от множества других аналогичных списков тем, что каждый его пункт собирает весьма разнообразные явления и процессы, игравшие однотипные роли в революционных ситуациях. Этот список наиболее близок к списку условий Ж. Голдстоуна (Goldstone 2003), поэтому несколько раз явно или неявно я буду к нему обращаться.

На мой взгляд, существуют четыре главных условия формирования революционных ситуаций, способных и стремящихся перерасти в настоящие революции.

1. Исходя из определения, очевидно, что главным условием является **делеги́тима́ция власти**. При этом под делегитимацией власти понимается потеря веры не только в существующую власть, но и в возможность законным путем улучшить си-

туацию. Причины делегитимации власти могут весьма различны. На протяжении веков самыми главными причинами делегитимации были военные поражения (Collins 1978) или экономические причины – голод, финансовые затруднения, лишаящие власть возможности выполнять свои писанные и неписанные обязательства (Goldstone 1991, Skocpol 1979). Однако это далеко неполный список, причинами делегитимации могли стать также чрезмерная коррумпированность власти, недостаточная или «неправильная» религиозность, существенные отклонения поведения властей от принятых традиций и, наоборот, их неспособность реагировать на изменения, происходящие в стране. В общем, причины делегитимации весьма разнообразны, они могут также включать обманутые надежды на улучшение ситуации (если улучшение началось, но вопреки ожиданиям прекратилось), неспособность защитить людей во время эпидемий и природных катастроф и даже сами природные катастрофы, если властителю приписывается волшебное свойство защищать страну от мора и голода.

На мой взгляд, важное значение имеет «правило второго голода» (Цирель 2011), суть которого состоит в том, что правительству прощается первое несчастье или первая неудача (ее всегда можно объяснить какими-то «объективными причинами»), но вторая аналогичная ситуация уже ведет к делегитимации власти. В то же время делегитимация отнюдь не обязательно связана с ухудшением уровня жизни. В качестве примера приведем цитату из известной книги Д. Макинерни (2009, 88) о причинах американской революции:

«Любопытно, что конфликт между Британской империей и американскими колониями возник на богатой и процветающей земле, а вовсе не в краю нищеты и бедствий. Его исходной точкой послужила победа, а не хаос поражения. Конфликт нарастал и развивался вследствие серии незначительных изменений в земельной, торговой и налоговой политике – а не в результате какого-то внезапного и вопиющего насилия. И целью его была борьба за сохранение традиционных конституционных принципов – а не против чего-то, как обычно бывает. Другими словами, мы хотим подвести читателя к выводу: американская революция отнюдь не была явлением очевидным, предсказуемым и неминуемым».

Как нам представляется, этот пример достаточно наглядно демонстрирует ведущую роль делегитимации власти (в данном случае из-за нарушения правила о необходимости представительства для введения прямых налогов). К слову, российские (китайские и др.) тираны отнимали у подданных гораздо больше прав, зачастую включая не только право на собственность, но даже на сами их жизни, но революций не происходило, подданные не настаивали на том, что власть теряет легитимность, грабя, унижая и даже казня их без суда и следствия.

Говоря об делегитимации, необходимо уточнить, в чьих глазах теряется легитимность. По отношению к традиционным сословным обществам речь может либо об элите, либо о простом народе. На наш взгляд (в отличие от упомянутого выше списка условий Ж. Голдстоуна), важнейшее значение для революций имеют мнения простого народа, ибо раскол элит на проправительственную и антиправительственную, антисистемную части без втягивания народа в конфликт может привести к верхушечному перевороту, а не к революции. С другой стороны, сильное народ-

ное недовольство (особенно имеющее какие-то более масштабные цели, чем отстранение от власти правителя-неудачника), втягивает часть старой элиты или порождает новую контрэлику, рвущуюся к власти. Сказанное не означает, что расколы элит и следующие за ними верхушечные перевороты не могли играть важную, даже революционную роль в истории разных стран (вспомним, например, «реставрацию Мэйдзи»), только это не революции.

В современных несословных обществах при отсутствии строгой границы между элитой и народом, можно сказать, что для создания революционной ситуации необходимо, чтобы делегитимация государственного строя произошла в глазах широких слоев городского населения, составляющих значительную часть населения страны (для чуть большей определенности - несколько десятков процентов).

В демократических странах потеря популярности избранного правительства обычно не ведет к делегитимизации политического строя, люди полагают, что на следующих выборах они смогут выбрать более адекватную власть. Например, за одним исключением, приведшим к гражданской войне, потеря популярности президентов США не вела к делегитимации конституционного строя. Хотя многочисленные исторические примеры, самым ярким из которых, безусловно, является пример Веймарской республики и многих других стран Южной и Восточной Европы в межвоенные годы показывает, что и демократии, особенно незрелые, также подвержены делегитимации. Достаточно большой (хотя и сокращающейся в наше время устойчивостью) обладают и традиционные монархии, имеющую сакральную легитимацию, поддерживаемую давней традицией. Смена монарха или существенное изменение политики при старом монархе может удовлетворить протестующих. При авторитарном правлении харизматического лидера падение его популярности может обрушить всю конструкцию власти.

Особой неустойчивостью обладают имитационные демократии (Фурман, 2010), которые формально имеют демократическую легитимацию и демократическое устройство, но фактически выборы фальсифицируются и во многом имитируются. При этом реальные основания власти разнообразными способами сочетают веру в правителя, его народную поддержку (меньшую, чем имитируют выборы, но весьма существенную), привычку, боязнь резких перемен, и, наконец, страх перед репрессиями. Потеря популярности правительством и осознание ранее молчаливым большинством фиктивности демократических процедур в имитационных демократиях едва ли не тождественны. Другое дело, что падение одной имитационной демократии совсем не обязательно ведет к настоящей демократии, как наглядно показали нам примеры Украины, Грузии, Киргизии и многих стран.

2. Вторым условием является наличие альтернативы или, точнее, представлений о существовании альтернативы нынешнему режиму. Если в стране царит полный пессимизм, и преобладающие представления о политическом режиме сводятся к тому, что нынешний режим плох и нелегитимен, но и ничего другого нет, то революция вряд ли возможна. Например, к концу 90-ых годов режим Ельцина и его полумитационной демократии потерял всякую популярность и по данным опросов был нелегитимен в глазах 40% населения (Локосов 1998). Однако в условиях, когда

были дискредитированы и социализм и капитализм, а абстрактное желание порядка и национального реванша не имело отчетливых форм, делегитимизация власти не привела к массовому протестам. Не было лозунгов, с которыми можно было бы выйти на улицы.

Представления об альтернативах существующей власти, по-видимому, можно разделить на два случая. Первый случай – это множество разных представлений об альтернативах, существенно расходящиеся у разных групп протестующих; в этих ситуациях основой революционных настроений является делегитимизация прежней власти, и к ней присоединяется вера в наличие и реальность лучших возможностей. Второй случай – это массовое увлечение какой-то иной религией или идеологией, которое стимулирует или даже непосредственно вызывает делегитимизацию существующего режима. Хотя реальные ситуации обычно сочетают элементы того и другого варианта, но все же можно выделить революционные ситуации, приближающиеся к тому или иному полюсу. Весьма наглядным примером первого типа являлась перестройка в России. Напротив, в русской революции 1917 года или в иранской революции 1979 года были очень сильные идеологические компоненты.

3. Слабость правительства. Слабость правительства включает как реальную слабость – отсутствие финансовых возможностей, слабый контроль над армией, полицией и другими силовыми ведомствами, так и раскол внутри правительства и/или внутри элиты, отсутствие решимости жестко подавить мятеж, зависимость от внешних (иностранных) акторов, а также от общественного мнения внутри страны и за ее пределами. Между слабостью и делегитимизацией, как правило, есть прямая связь – слабость правительства, расколы внутри элит ведут к снижению его легитимности, а делегитимизация – к неуверенности властей в своих силах, к переходу отдельных представителей власти на сторону восставших. Хотя жесткие диктатуры могут сохранять силу и решимость бороться до конца в условиях далеко зашедшей делегитимации.

К примеру, арабские революции достаточно наглядно показали слабость имитационных демократий (неподчинение армии президенту в Тунисе, нейтралитет армии в Египте) и их слабую готовность к решительным действиям при явном потере народной поддержки. Напротив, откровенные автократии в Ливии и Сирии оказались готовы как к самой жесткой риторике, так и к реальному применению силы.

4. Наличие горючего материала. Под горючим материалом подразумеваются люди, готовые выйти на площади и принять участие в революционных действиях, рискуя собой, а не только сидеть дома (в современных условиях – перед экраном телевизора или компьютера) и ругать правительство. После работ Моллера (Moller 1968) и Голдстоуна (Goldstone 1991) революции стали связываться с «молодежным бугром», большой долей молодежи в составе населения при демографическом переходе или просто в периоды ускоренного роста народонаселения. Как наглядно показал Моллер, революционную активность прежде всего проявляют молодые люди и прежде всего молодые мужчины. Именно они более всего хотят перемен, именно они наиболее склонны к агрессии и риску. Впрочем, для этого вывода не

надо обращаться к анализу исторического опыта, достаточно посмотреть на сводки новостей или на половозрастной состав заключенных, совершивших преступления, связанные с насилием. Те же выводы, сформулированные более научным языком, можно получить и из учебников психологии.

В большей части арабских стран быстрый рост населения начался в период после нефтяных шоков 1973-80 гг. и резкого повышения доли нефтедобывающих стран в «дележке мирового пирога» (Коротаев, Зинькина 2011а), что безусловно способствовало синхронизации революционных событий в арабских странах. Однако указание на абсолютный максимум количества когорты 20-24 года (Коротаев, Зинькина 2011б) в составе населения Египта или Туниса нам представляется малоубедительным, ибо в разных источниках молодежный бугор оценивается разными показателями – относительной или абсолютной долей людей в возрастах от 15 до 24, от 20 до 24, от 20 до 29 и т.д. Даже в условиях быстрого демографического перехода период, за который все эти показатели достигают максимальных значений, растягивается на 1,5-2 десятилетия, а корреляция того или иного показателя с частотой народных бунтов сильно зависит выборки стран и революционных событий, для которой она вычислялась. Кроме того, в большинстве развивающихся стран демографическая статистика оставляет желать лучшего (например, в период быстрой урбанизации новые горожане часто учитываются дважды, и в городе и в родном селе), и определение доли молодежи с точностью до процентов весьма проблематично. Например, данные ООН и Всемирного банка о возрастном составе населения Египта и Ливии заметно расходятся (UN Population Division. 2011, World Bank 2011). Из общих соображений можно принять, что вероятность бунтов больше в начале молодежного бугра, когда правительство и сами молодые люди менее всего приспособились к ситуации, но это правило часто дает сбой. Как видно из рисунка 1, Арабская весна скорее произошла на излете «молодежного бугра» в арабском мире, во всяком случае данный график никак не показывает, какой год 2011 или, например, 2001, был наиболее подходящим для Арабской весны.

При этом следует отметить, что не только молодежь может быть горючим материалом. Во время февральской революции 1917 года, когда большая часть молодежи была на фронте, основную роль горючего материала в Петербурге выполнял Петербургский гарнизон, составленный частично из 17-летних юнцов и частично из 40-летних мужиков, причем наиболее решительно были настроено именно старшее поколение, уже побывавшее на фронте.

Также роль горючего материала могут играть многочисленные этнические и религиозные меньшинства (например, шииты в Бахрейне или «племена» Киренаики в Ливии), безработные, особенно молодые. Например, в Саудовской Аравии и Иордании, где безработица среди молодежи много меньше, чем в Тунисе и Египте, волнения также были значительно слабее.

Основным горючим материалом российской перестройки была интеллигенция, среди которой выделялись «шестидесятники» среднего и даже предпенсионного возрастов.

Разумеется, горючий материал революций различается по качеству. Как уже говорилось, молодые люди обычно лучше справляются с этой ролью, чем старшее

поколение, а мужчины лучше, чем женщины. Но среди всего горючего материала революций есть материал высшего качества – это студенчество и безработные молодые люди с законченным или незаконченным высшим образованием. Они являются не только массой, идущей на площади, но одновременно также агитаторами или даже идеологами революций. Особая роль студентов и бывших (в том числе «вечных») студентов в революционных событиях отмечалось очень давно (см. например, Изгоев 1909), но все же 19 веке и в начале 20 века высшее образование еще не было столь распространено.

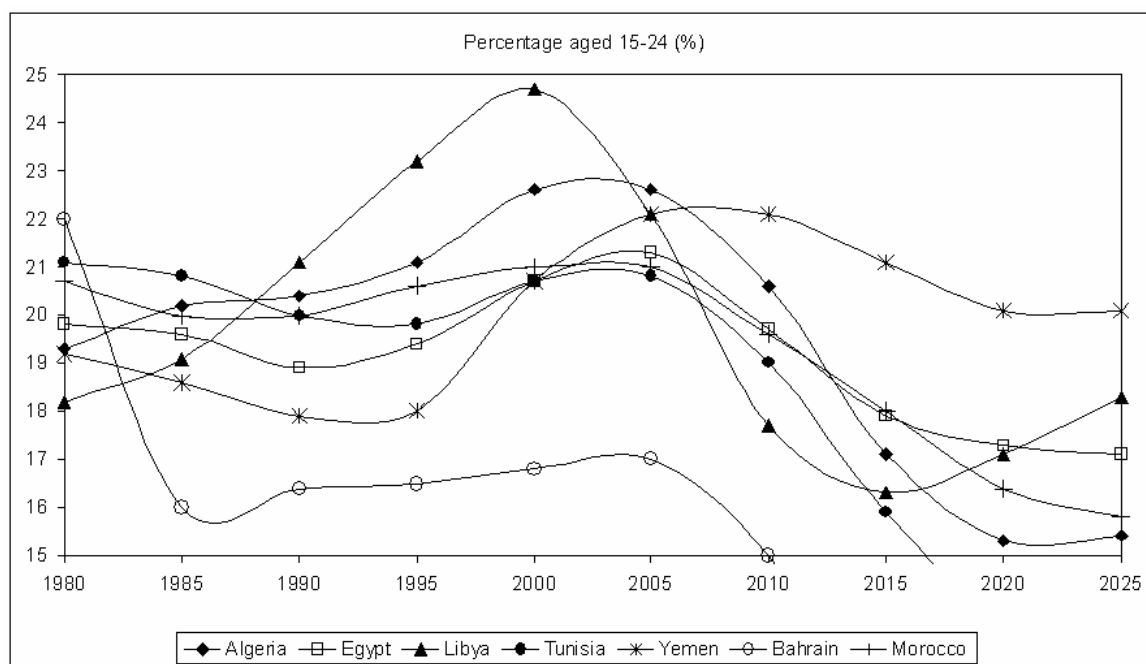

Рис. 1 – Доля молодежи в возрасте 15-24 года в населении арабских стран (UN Population Division. 2011).

Широкому распространению высшего образования во второй половине 20 века способствовали, во-первых, «инфляция образования» и, во-вторых, изменения требований к тем, кто осуществляет транзакционные услуги. По-видимому, существует некий рубеж уровня экономического развития (естественно, весьма размытый), после которого транзакционные услуги [5] требуют участия людей с высшим образованием. В странах, не перешедших этот рубеж (в наши дни - в странах третьего мира), по сути те же функции выполняют менялы, приказчики, мелкие клерки, гешефтмахеры, спекулянты и др. со средним образованием или просто обладающие минимальными навыками грамоты и счета. В то же время страны третьего мира, в том числе арабские страны, частично из-за высокого престижа высшего образования (и популизма правящего режима), частично из-за подражания более развитым, тоже стали готовить огромное количество второсортных специалистов с высшим образованием. Чтобы смягчить ситуацию, многие страны стали искусственно создавать для них рабочие места – к примеру, школьных учителей в Саудовской Аравии или научных сотрудников в Иордании. Но в Тунисе и Египте молодые люди с

высшим образованием остались без постоянных занятий, заработков и семьи и стали первосортным горючим материалом недавних революций.

Особую проблему составляет вопрос о «выгорании горючего материала». В ходе арабской весны страны (Алжир, Палестина, Ливан, Ирак), которых в течение последних 10-15 лет происходили масштабные кровавые столкновения, протесты были слабее, чем можно было ожидать, исходя из предыдущих трех показателей (см. ниже). При упомянутой выше ситуации конца 90-х годов в России «второсортный горючий материал» старшего поколения выгорел во время перестройки и отчасти в начале 90-х и полностью потерял свои «горючие свойства» к концу десятилетия. По данным П. Турчина (Turchin 2003) активные формы протестов и гражданские войны, как правило, разгораются с интервалом примерно в полвека, когда на авансцену выходит третье поколение, не нюхавшее пороха и не слышавшее не овеванных ностальгией по ушедшей молодости рассказов о прошлых революционных бурях. В то же время это правило имеет множество исключений - русская революция 1905 года не предотвратила революции 1917 года и гражданской войны, а революционные события во Франции в XIX веке повторялись каждые 20 лет.

Как указывалось выше, особой проблемой для политологов стали не революционные события в отдельных арабских странах, а волна революций, «арабская весна», охватившая большую часть рабского мира и никем не предсказанная.

Волны революций, хотя и не частое явление в истории, но и не слишком редкое. Строгого определения волны революций не существует, и составить его трудно (проблематично установить пороговые значения по количеству стран, охваченных волнениями, по длительности отрезка времени и по общности требований восставших). Понимая волны революций максимально расширительно, можно, на наш взгляд, выделить, следующие волны (временные границы каждой из волн, разумеется, достаточно условны) [6]:

- 1810-13(15) гг. – освободительная война в Латинской Америке;
- 1830-31 гг. – малая волна революций и восстаний в Европе;
- 1848-49 гг. – большая волна революций в Европе, «весна народов»;
- 1905-1911 гг. – первая красная волна, начавшая с русской революции 1905 года.
- 1917-1920 гг. – красная волна после Первой мировой войны;
- 1960 г. – массовое освобождений колоний, год Африки;
- 1968 г. – волна протестных движений;
- 1989 г. – распад Варшавского блока;
- 2011 г. – арабская весна.

Разумеется, я не настаиваю на полноте и корректности своего перечня, но, по видимому, другие расширительные перечни не будут сильно отличаться от него. Изучая этот перечень, можно отметить, что для большей части волн характерна двойная близость охваченных волнениями стран – культурная близость и близость исторических обстоятельств, причем второе условие выполняется даже строже, чем первое (для первой красной волны и самой загадочной волны 1968 года первое условие выполнено в минимальной степени). В то же мощные волны революций втягивали также страны, принадлежащие к другим культурным мирам и находящиеся в

других социально-политических условиях. Арабская весна стимулировала массовые выступления в Израиле, беспорядки в Великобритании, США и т.д.; даже в России в феврале наблюдался небывалый по скромным российским меркам подъем протестных настроений (не вылившийся в уличные действия, но отчасти их подготовивший), и именно с февраля началось устойчивое снижение популярности Путина, Медведева и особенно Единой России.

Для описания революционных волн очень хорошо подходит известная (скорее даже избитая) метафора, сопоставляющая революции с лесными пожарами. Представим себе, что в жаркое лето создается пожароопасная ситуация в ряде хвойных и лиственных лесов. Сперва в одном хвойном лесу по какой-то причине (например, из-за брошенной спички) вспыхивает огонь, и очень быстро он перекидывается на другие сухие хвойные леса, за ними загораются сухие лиственные, потом – хвойные, но уже не столь сухие, а потом огоньки пламени вспыхивают в самых разных лесах и кустарниках. Волны революций сперва выступают как следствие сходства условий, а потом превращаются в причину сближения условий и обстоятельств в разных странах., диффузии идей и культурных (антикультурных) явлений, а также становятся (наряду с войнами и эпидемиями) важнейшим фактором синхронизации мировых политических процессов.

Для типизации революционных волн перечислим политические и экономические обстоятельства, предшествовавшие каждой волне:

1810-13 гг. – наполеоновские войны, двукратная смена монарха в Испании.

1830-31 гг. – экономический кризис и длительная рецессия 1826-30 гг., ослабление Священного союза и режима реакции в Европе.

1848 г. – практически повторяет условия предыдущей волны: неурожай 1845-46 гг., экономический кризис 1847 г., повторное (и окончательное) ослабление Священного союза и режима реакции в Европе.

1905-1911 гг. – экономический кризис 1900-03 гг., начавшееся обострение международной обстановки.

1917-20 гг. – окончание Первой мировой войны, поражение и распад европейских континентальных империй.

1960 г. – фактический отказ Франции и других колониальных держав от силового удержания колоний.

1968 г. - ???

1989 г. – перестройка в СССР.

2011 г. – мировой экономический кризис, взлет цен на продовольствие.

Разделим их на группы.

Первая группа – это наиболее легко объясняющиеся события 1960 и 1989 гг. – делегитимизация колониальных властей в Африке и марионеточных правительств в Восточной Европе произошла задолго до начала революционных событий (во многих странах они никогда и не ощущались как легитимные), а причиной освобождения стал отказ метрополий от силового удержания колоний и зависимых стран и, соответственно, слабость местных правительств и администраций, лишившихся

своей основной опоры. В то же время волна 1989 года втянула Румынию, где правительство Чаушеску попыталось силой удержать власть, а также Китай, где протестные настроения охватили не широкие массы населения, а лишь студентов и городских безработных и были задавлены грубой силой. Во многом к этой же категории относится и первая революционная волна в Латинской Америке, где освободительное движение было стимулировано французской оккупацией Испании и явной слабостью метрополии.

Следующую группу, по-видимому, образуют события 1905-1911 гг., 1917-1920 гг. и 1968 г. Эта группа не столь едина как предыдущая; можно указать множество существенных различий между включенными в нее волнами, но присутствуют и явные сходные черты. В первую очередь, это преобладание социальных и даже культурных лозунгов над национальными (волна 1905-11 гг. носит смешанный характер, отчасти объясняющийся двойственной природой России, откуда она пошла). В этих волнах существенен вклад интернационалистических настроений в отличие явного преобладания национализма в других волнах, и менее всего проявлена исходная цивилизационная близость стран, охваченных протестом.

Объектом революционной ненависти не в меньшей степени, чем правительство (особенно в 1968 году) становились само общество и его культурные нормы, включая сексуальные запреты, власть отцов и обычаи традиционной семьи. Разумеется, в той или иной степени это свойственно большинству революций, ибо их ударной силой чаще всего выступают молодые люди, менее всего готовые признавать власть отцов и сексуальные запреты, но именно в 1968 году такие лозунги превратились из маргинальных в доминирующие. По-видимому, одним из основных мотивов выступлений 1968 года был протест против старшего поколения, наевшегося ужасов и разрушений обычной человеческой жизни во время Второй мировой войны и вопреки долгосрочной тенденции стремившегося приостановить или даже повернуть вспять эмансипационные процессы, идущие от эпохи Просвещения. Такая трактовка сближает волну 1968 года с волнами 1830 и 1848 гг. (возвратная волна через поколение после большой войны) Впрочем, это очень сложный вопрос, требующий специального анализа, далеко выходящего за рамки темы настоящей статьи.

Арабская весна по совокупности признаков ближе всего к весне народов 1848 года и ее предшественнице. Она также связана со сложной экономической ситуацией и ростом цен на продовольствие и также разыгралась в течение короткого отрезка времени. Большую роль в событиях в событиях Арабской весны и 1848 года сыграли национальные движения.

Также, как в 1848 году, в распространении революционных настроений сыграли важную роль новые технические средства коммуникации (массовые газеты и отчасти телеграф vs социальные сети в Интернете, мобильная связь, телевидение). Существенная роль этих средств объясняется, по-видимому, не только их реальными возможностями, но в первую очередь тем, что правительства не были готовы к их использованию для агитации и оповещения, и тем самым восставшие получили

важное относительное преимущество. Точнее, в Египте правительство Мубарака после первых массовых манифестаций, 27-28.01 отключило мобильную связь и доступ к Интернету, но это произошло уже после того, как восставшие почувствовали свою массовость и силу.

А теперь, когда Арабская весна вписалась в контекст революционных волн последних двух веков, вернемся к условиям революций и отличиям революционных ситуаций от революций. Все перечисленные выше условия и признаки революционных ситуаций не указывают на то, когда и где революционная ситуация перерастет в революцию или хотя бы в массовые волнения. Прежде всего отметим, что точный прогноз революций, по-видимому, также невозможен, как и прогноз погоды. Революционная ситуация – это неустойчивое состояние, в котором маленький толчок может вызвать лавину или, наоборот, никак не повлиять на ситуацию. Как неоднократно отмечалось, можно провести вполне продуктивную аналогию между революционной ситуацией и кучей сухого песка с углами наклона, равными углу естественного откоса (см., например: Чуличков 2009), где добавление одной песчинки может привести к лавине любой величины.

Но все же для начала революции в отличие от идеальной модели кучи песка требуется не одна песчинка, а некоторое хоть и малое, но все же не совсем рядовое событие. Поэтому сам процесс инициации народных волнений, по-видимому, надо понимать как пороговый – до определенного уровня недовольства количество протестующих невелико, но при его превышении количество участников революционных акций резко возрастает.

Наглядно это можно показать с помощью несложной модели, сходной по своей идее с моделью Курана (Kuran 1989) и ее современными модификациями (Gonzalez 2011), но еще более простой, чем они.

Предположим, что готовность принять участие в акциях протеста у каждого человека зависит только от массовости присоединившихся до него к протестному движению. Тогда всех людей условно можно разделить на три категории. Есть люди, которые в силу ненависти к правящему режиму, увлеченности альтернативной идеологией или просто желания участвовать в «празднике непослушания» готовы протестовать при очень малом количестве участников, вплоть до решимости стать самым первым революционером; есть основная масса, которая согласна лишь присоединиться к большой толпе; и, наконец, есть люди, которые не станут протестовать, даже если все потенциальные революционеры выйдут на улицы.

Введем для плотности распределения готовых протестовать (по количеству «вышедших на площадь» до них) обозначение $f(N)$, где N – количество ранее «вышедших на площадь», а для функции распределения – обозначение $F(N)$. Т.е. $F(N)$ – суммарное количество людей, готовых выйти протестовать, когда число протестующих находится в диапазоне от 0 до N . Иначе говоря, $f(N)$ – это количество людей с определенной степенью готовности к протесту, а $F(N)$ – общее количество людей с такой готовностью протесту и большей, вплоть до самых отчаянных революционеров. В принятых в математике обозначениях $F(N) = \int_0^N f(n)dn$. Вполне оче-

видно, что при заданной $f(N)$ количество протестующих определяется по формуле $F(N)=N$ (если $F(N)$ больше N , то к ним присоединятся новые протестующие, а обратное соотношение в нашей модели невозможно, ибо оно означает, что вышли протестовать люди, не готовые к протесту).

Развитие революционной ситуации можно представить себе как нарастание количества отчаянных революционеров, снижение порога страха «выйти на площадь» у основной массы народа, а также некоторое уменьшение количества людей, совсем не готовых к протесту ($A \rightarrow B \rightarrow C$ на рис. 2).

Отметим также, что данная иллюстративная модель демонстрирует вывод, хорошо согласующийся с получившей широкую известность работой (Xie et al. 2011). По утверждению авторов этой работы, в социальных сетях существует критическая пороговая величина убежденных сторонников какой-то идеи, приблизительно равная 10%, которая обеспечивает ее быстрое распространение ($T \sim \sqrt{N}$) среди всего населения. Если же количество убежденных сторонников меньше 10%, то переход не происходит вовсе [7].

Несмотря на свою простоту, предложенная нами модель хорошо иллюстрирует целый ряд важных эмпирически установленных обстоятельств. Как легко видеть, заметное повышение революционных настроений при переходе из состояния А в состояние В не приводит к большому увеличению числа протестующих (N_1), но дальнейший рост народного недовольства вызывает увеличение количества протестующих на порядок или даже порядки. Также легко заметить, что увеличение количества революционеров для массовости протеста даже важнее, чем рост народного недовольства. Это во многом объясняет, почему не только современные средства коммуникации (телевидение, социальные Интернет-сети, мобильная связь), доступные многим или даже почти каждому, но и газеты в 1848 году, достаточно дорогие и малодоступные полуграмотным людям, могли сыграть важную роль в организации народного протеста.

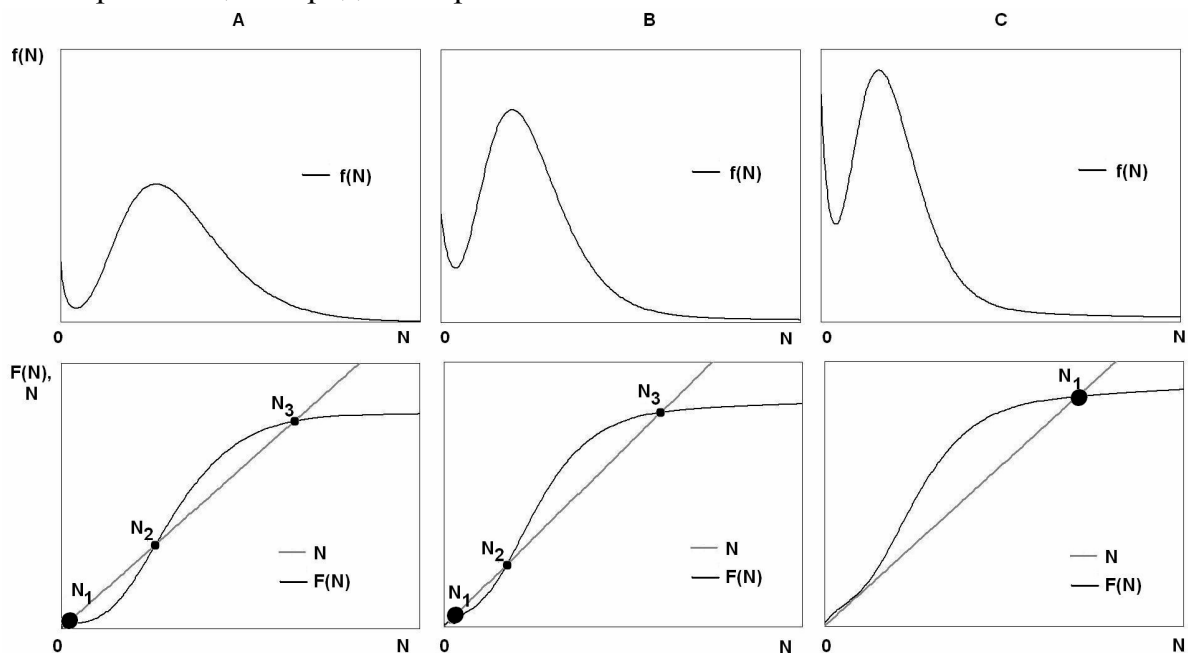

Рис. 2. – Переход революционной ситуации в революцию

Чуть-чуть отступив от исходной модели, можно заметить еще ряд обстоятельств. Если окна дома обывателя не выходят на революционный Майдан или Тахрир, то количество протестующих ему точно неизвестно, а правительство стремится всеми силами его занизить, объяснить, что вышли протестовать только маленькие группки людей, нанятых агентами иностранных разведок. Современные средства коммуникации и социальные сети типа Фэйсбука или Твиттера дают возможность узнать число протестующих в момент начала волнений или при подготовке к ним.

Также обратим внимание на то, что в состояниях А и В линии $F(N)$ и N имеют три пересечения (N_1, N_2, N_3). Так как между первым и вторым пересечениями $F(N)$ меньше N и, соответственно, больше народу на площадь не выходит, то вроде бы третье пересечение не имеет никакого смысла. Однако достаточно чуть подрасти количеству революционеров, чуть лучше распространять информацию о протестах, чуть увеличиться народному недовольству и небольшая группа протестантов перерастет в огромную толпу.

Неустойчивость, неопределенность дальнейшего развития событий, о которой писали многие другие революционеры, свидетели и исследователи революций, имеет несколько важных следствий:

- момент начала революции зависит от многих мелких обстоятельств, вплоть до погоды в назначенный день выступлений, и успех или неуспех революционных акций трудно предсказать заранее;
- усилия правительства по разгону протестующей толпы очень часто могут предотвратить начинающуюся революцию и оттянуть ее до того момента, когда недовольство достигнет закритических величин и сдержать его будет невозможно; тогда власть станет перед выбором – либо сдаться на почетных условиях, либо устроить кровавую бойню, после которой любые соглашения станут невозможны;
- наоборот, если случайные обстоятельства привели к успеху восставших, то этот успех может воодушевить толпу на следующие акции, и революция может начаться, даже если дореволюционный уровень протестных настроений и не достигал критических величин;
- при каких-то экстраординарных обстоятельствах протестные настроения на короткое время могут резко увеличиться, и в вроде бы спокойной стране пройдут массовые мирные или даже немирные манифестации; при этом революции скорее всего не воспоследует, но за много лет до будущих революционных событий высветятся места будущих волнений и, может быть, даже лозунги будущей революции (по отношению к сепаратистским движениям подробнее см. Roender, Sornette, Andersen 2004).

Рассмотренная модель демонстрирует одну из важнейших проблем, возникающих при попытках прогнозирования революций. Можно экстраполировать рост количества и массовости акций протеста, активности революционных движений, динамику хаотических попыток правительства погасить недовольство и т.д., но все эти экстраполяции будут оставаться области малых величин («А-В» на рис. 2), и

вряд ли смогут прогнозировать переход/непереход в состояние 1, а также момент перехода, если он состоится [8].

Данная модель позволяет нам, наконец, определить понятие революционной ситуации, о которой уже многократно шла речь без какой-либо дефиниции. В рамках этих допущений *революционная ситуация – это положение, при котором выполнены все четыре условия революции, но порог массового участия в протестных действиях не перейден.*

А теперь от условий перехода революционной ситуации в революцию вернемся к самим условиям революционных ситуаций. Особую сложность составляет процесс перевода сформулированных выше четырех условий в показатели, фиксируемые в мировых базах данных. Главным условием революции является делегитимация правящего режима, поэтому первой характеристикой должна быть некая оценка легитимности власти. Прямые социологические опросы по типу упоминавшихся опросов в России в конце 90-х годов (Локосов 1998) возможны лишь при демократическом правлении или при мягких имитационных демократиях, при настоящих автократиях или при традиционных монархиях их даже трудно себе вообразить (для примера представьте себе социологический опрос в СССР о легитимности власти КПСС). Поэтому нужны какие-то косвенные показатели, характеризующие уровень легитимности правящего режима и его изменения.

В состав индекса *State Fragility Index* (Marshall, Goldstone and Cole 2008; Marshall and Cole 2009a, 2009b, 2010) входят показатели политической и социальной легитимности, а также показатель легитимности репрессивной политики государства (*Security Legitimacy*), основанной на индексе политического государственного террора (Gibney 2011). Хотя в число разработчиков данного индекса входил Ж. Голдстоун, ведущий теоретик в области исследования и прогноза революционных событий, но этот индекс более ориентирован на оценку уровня безопасности проживания людей в разных странах и фактически характеризует положение не в столицах стран, а на их окраинах, где идут различные этнические и гражданские конфликты. Максимальные баллы получили не те страны, где произошли революции, а наиболее неспокойные и опасные для проживания. В частности, наивысшие баллы (11-12) получили Сомали, Судан, Конго и Бирма. Египет получил 8 баллов, а Тунис – 4 балла. По эффективности государства, который потенциально можно было бы связать с нашим показателем слабости правительства, Египет получил 5 баллов, а Тунис – 4 балла, самыми худшими (12-13 баллов) оказались Сомали, Судан, Конго, Афганистан и Чад. В целом индекс скорее не прогнозирует революционные события и гражданские войны, а фиксирует интенсивность уже идущих событий.

В работе (Давыдов 2011) предпринималась попытка выполнить ретропрогноз арабских революций с помощью дискриминантного анализа на основании субиндексов индекса *Legatum Prosperity Index* (2010). По оценке А. Давыдова для всего мира наиболее информативным оказался *Personal Freedom Sub-Index*, характеризующий личную свободу и социальную толерантность по отношению к иммигрантам и социальным меньшинствам, а для выборки арабских стран – *Entrepreneurship and Opportunity Sub-Index*, характеризующий условия предприни-

мательской среды, инновационной активности, доступ предпринимателей к новым возможностям. Проблемы этих интересных оценок состоят как в отсутствии опоры на какую-либо теорию, так и в том, что главным исключением оказывается Тунис, где и произошла первая и наиболее успешная революция, стимулировавшая остальные революционные события.

Поэтому показатели для операционализации оценки степени созревания условий революции на данном этапе исследований предлагается выбирать отдельно для каждой группы стран и революционных событий. Естественно, при этом следует стремиться к максимальной широте географического и временного охвата, однако в настоящий момент затруднительно говорить о каких-то правилах или ограничениях данной операции.

В настоящей статье мы ограничимся анализом Арабской весны и попытаемся выбрать данные, наиболее точно выражающие степень созревания революционных ситуаций в арабских странах. На этом пути нас ждут новые трудности, возникающая при составлении индексов и/или заполнении баз данных для развивающихся стран – невысокая точность информации, большие расхождения между разными (в том числе вполне заслуживающими доверия) источниками, а также во многих случаях неадекватность критериев, используемых для развитых индустриальных и постиндустриальных стран, для характеристики стран Третьего мира. Например, один из важных показателей – безработица среди молодежи и среди лиц с высшим образованием – теряет всякую определенность, когда речь заходит о женском населении, а именно они составляют две трети и более молодых безработных с высшим образованием.

Мы ограничим свой анализ только арабскими странами, причем сразу исключим из рассмотрения три страны – Джибути, Коморы и Сомали. Во-первых, они находятся вне компактного ареала арабского мира, во-вторых, в их населении арабы составляют лишь малую часть (менее 5%), в-третьих, Коморы и Джибути – очень маленькие страны (менее 1 млн. жителей), а в стране Сомали нет государства, поэтому нет возможности говорить о свержении государственной власти и фундаментальных изменениях ее легитимации.

При составлении новых оценок и шкал нам будет необходимо формулировать множество пояснений и примечаний. Мы поступим следующим образом: самые главные из них, необходимые для понимания основной таблицы, приведены выше табличных данных, а остальные, менее важные примечания, в том числе источники данных, оформлены как примечания к таблице.

Для оценки масштаба революционных событий введем следующую шкалу [9]:

6 – успешная революция (перевес восставших [10]);

5 – гражданская война, закончившаяся свержением правительства (примерное равенство сил);

4 – мощные антиправительственные выступления с кровопролитными столкновениями, расшатавшие власть (силы восставших сопоставимы с силами правительства);

- 3 – многолюдные и длительные антиправительственные выступления с отдельными силовыми стычками;
- 2 – многочисленные антиправительственные выступления;
- 1 – несколько заметных антиправительственных выступлений;
- < 1 – отдельные протестные акции.

Для оценки легитимности режимы арабских стран были разбиты на пять типов (в скобках приведены условные числовые оценки легитимности – чем выше числовая характеристика, тем ниже легитимность):

- 1 - абсолютные монархии;
- 2 - конституционные монархии [11];
- 3 - автократии или авторитарные правления;
- 4 - имитационные демократии (4);
- 1 - неконсолидированные демократии или частичные демократии и протодемократии;
- 0 - консолидированные либеральные демократии [12].

Разумеется, зачастую затруднительно провести границу между конституционной монархией и абсолютной. Еще труднее строго различать автократии и имитационные демократии. По-видимому, эталоном автократии в арабском мире был режим Каддафи, при котором 42 года не проводились выборы. Эталон имитационной демократии (Фурман 2010) мы можем наблюдать у себя дома, в России, где имитируются не только конкурентные выборы парламента и президента, но даже ограничение количества сроков правления. В арабском мире такого хорошего эталона нет; ближе всего к нему были предреволюционные режимы Египта, Туниса и Алжира. В самых спорных случаях использовалась промежуточная характеристика «автократия / имитационная демократия».

Другая важная характеристика, повлиявшая на интенсивность революционных акций в ходе Арабской весны – это доля в составе населения национальных и религиозных меньшинств (или даже преобладающих групп), полностью или частично не признающих легитимности существующей власти. В состав «меньшинств» включались лишь граждане анализируемой страны; многочисленные гастарбайтеры, работающие в странах Персидского Залива и в Ливии, во внимание не принимались, ибо они, как правило, либо участвуют лишь в акциях с конкретными экономическими требованиями, либо не участвуют вовсе, опасаясь высылки из страны. Также отмечалась трайбалистская структура общества, при которой при которой полностью легитимными являются лишь местные вожди и старейшины, а не центральное правительство.

Важнейшими характеристиками влияния «молодежного бугра» на количество и качество горючего материала, как указывалось выше, являются доля безработных среди молодежи и особенно доля молодых безработных с высшим образованием. На первый взгляд, это количественные характеристики, для которых следовало было использовать численные значения. Однако, к сожалению, это невозможно сделать, даже если ограничиться только юношами, не затрагивая тонкого вопроса о потребности арабских девушек в работе вне дома. Ибо, как неопределенны возрастные границы молодых людей (15–25, 16–25, 20–24, 20–29 и т.д.), так и критерии

выделения безработных в составе людей работоспособных возрастов. Недаром эксперты МОТ подчеркивают сложность сопоставления данных о безработице в разных странах. Но даже если бы мы приняли волевые решения по всем сложнейшим методологическим вопросам, то все равно мы бы не получили надежных численных значений. Ибо численные значения в разных источниках существенно расходятся между собой и имеют большие пробелы, а обращение к различным экспертным оценкам и данным национальных статистических центров для заполнения пробелов и выяснения причин расхождений между базами данных в конечном счете приводит к еще большему разбросу оценок. В результате количественные данные пришлось представлять качественными порядковыми шкалами. Для доли безработных среди молодежи использовалась трехранговая шкала: низкая ("–"), средняя ("±"), высокая ("+") и ".." – при отсутствии сведений. Для оценки доли молодых безработных с высшим образованием вводился еще четвертый уровень "++" – очень высокая.

По сходной шкале оценивалось и возможное выгорание «горючего материала». Прошедшие войны, мятежи и другие кровавые события сопоставлялись между собой одновременно по интенсивности и отдаленности от нынешнего времени по четырехранговой шкале – от "–" (отсутствия подобных событий в последние десятилетия) до "++" (незаконченные длительные внешние и внутренние войны).

Результаты сопоставления событий Арабской весны в разных странах приведены в табл. 1. Визуальный анализ табл. 1 показывает, что на масштаб революционных событий в наибольшей степени влияет политический строй, однако есть мощных исключения – с одной стороны, Бахрейн, и, с другой стороны, Мавритания и Судан. Масштабные революционные события в Бахрейне, в первую очередь, объясняются наличием 75-процентной группы шиитов, практически не представленных во власти. Однако в Мавритании и Судане, где также существуют непривилегированные группы, составляющие более 50% населения, почти не наблюдалось реакции на Арабскую весну. Основная причина таких различий, на наш взгляд, состоит в том, эти группы состоят не из арабов, мавров или берберов, а из негров, для которых угнетателями являются в основном именно арабы и мавры, поэтому у них арабский (арабско-берберский) порыв к свободе не нашел отклика. Более того, Судан и Мавритания в большинстве разбиений стран по географическим регионам (например, базе данных WB) отнесены не Ближнему (Среднему) Востоку и Северной Африке, а к Африке южнее Сахары. Поэтому мы исключим и эти страны из дальнейшего анализа.

Для анализа зависимостей масштаба революционных акций от различных факторов мы вычисляли коэффициенты корреляции для парных и множественных регрессий. Использование регрессий для порядковых шкал, не имеющих строго одинаковых интервалов между рангами, является, естественно, достаточно грубым и неточным методом, и численные значения коэффициентов регрессии не могут перенесены на другие случаи. Однако, мы и не ставили цели рассчитать множественную регрессию с высокой точностью; наша задача главным образом состояла в сопоставлении роли различных факторов для данной революционной волны и проверке сформулированных условий выше возникновения революционных ситуаций.

После исключения этих двух стран и оцифровки политических режимов в соответствии с приведенными выше шкалами рассчитанный коэффициент корреляции с масштабом революционных событий составляет примерно $R = 0,88$, а коэффициент детерминации (R^2), соответственно – 0,78. Т.е. данный показатель объясняет приблизительно 78% дисперсии. Высокие значения коэффициентов детерминации имеют также уровень безработицы среди молодежи (0,44) и доля безработных с высшим образованием среди молодежи (0,45). Для сопоставления отметим, что линейные зависимости от индекса демократии, ИЧР и их отношения объясняют соответственно 20,5%, 15,5% и 2% дисперсии.

Нетрудно видеть, что бурные события в более прочных, чем имитационные демократии, авторитарных государствах (Ливия, Сирия, Йемен) во многом объясняются непривилегированным положением или той или иной формой дискриминации большей части населения этих стран. Включение национального аспекта (и трайбалистской структуры) поднимает величину объясненной дисперсии до 82 %.

Обсуждавшиеся выше факторы участия безработной молодежи и, особенно, безработной молодежи с высшим образованием как наилучшего горючего материала способствовали свержению правящих режимов в Египте, Тунисе или Ливии, а также интенсивности протеста в других странах. Однако оба этих фактора сильно коррелированы между собой ($R = 0,79$) и с политическим строем ($R = 0,6-0,69$). Поэтому данные факторы мы разложили на две независимые компоненты, одна из которых ортогональна фактору «политический строй», и при построении уравнения множественной регрессии использовалась только эта компонента [13]. При учете трех факторов доля объясненной дисперсии составляет 87 %. Включение также «выгорания» революционного пыла из-за войн или прежних бурных событий (все-го четыре фактора) объясняет 93,5 % дисперсии. Нормированный (приведенный с учетом количества переменных) коэффициент детерминации составляет 0,91. Основные статистические характеристики полученной регрессии приведены в табл. 2.

К сожалению, использование только самых общих параметров не позволило полностью разделить условия революционных ситуаций. Главный параметр – тип политического строя – указывает как на вероятность делегитимации, так на силу или слабость режима. Например, готовность к решительным и жестоким действиям по подавлению мятежей является одной из важных отличительных черт автократий от имитационных демократий.

Табл. 1. Характеристика арабских стран

Страна	Население, млн. чел.	ВВП на душу населения, тыс. \$ ₁ (PPP)	Политический строй	Индекс демократии ²	Меньшинства (непривилегированные группы), трайбалистское устройство ⁴	Уровень безработицы среди молодежи ³	Доля безработных с высш. образованием среди молодежи ⁵	Волнения и войны в посл. годы	Масштаб революционных акций
Тунис	10,5	7,7	Имитац. демократия	2,79	–	+	++	–	6
Египет	81	5,7	Имитац. демократия	3,07	10% копты-христиане	+	++	±	6
Ливия	6,4	15,3	Автократия	1,94	Трайбал. устр-во, 50% – население вне Триполитании	+	++(?)	–	5
Йемен	24	2,3	Автократия / имитац. демократия	2,64	55% – сунниты, трайбалистское устройство	+	+	+	4–5
Сирия	20	4,7	Автократия	2,31	85% – сунниты	+	..	–	4
Бахрейн	1,3	25	Конст. монархия	3,49	75% – шииты	±	±	±	3–4
Алжир	35	7,5	Имитац. демократия	3,44	15% – берберы	+	+	+	3
Марокко	32	4,2	Конст. монархия	3,79	40% берберы	+	+	–	2
Ирак	32	3,2	Неконсол. демократия	4,00	(25% – курды, 35% – сунниты)	+	+	++	1
Иордания	6,0	5,2	Конст. монархия	3,74	(до 55% – палестинцы)	+	±	–	1
Саудовская Аравия	27	20,3	монархия	1,84	Трайбалистское устройство	±	±	–	1
Оман	2,7	24	монархия	2,86	35% – сунниты	–	–	–	1
Ливан	4,2	12,6	Неконсол. демократия	5,82	(35% – христиане, 30% – сунниты)	–	–	+	<1
Кувейт	2,7	50	Конст. монархия	3,88	–	–	–	±	<1

Страна	Население, млн. чел. ¹	ВВП на душу населения, тыс. \$ (PPP) ¹	Политический строй	Индекс демократии ²	Меньшинства (непривилегированные группы), трайбалистское устройство ⁴	Уровень безработицы среди молодежи ⁵	Доля безработных с высш. образованием среди молодежи ³	Волнения и войны в посл. годы	Масштаб революционных акций
Мавритания	3,5	1,7	Автократия / имитац. демократия	3,86 ³	(30% – негры, 40% – мулаты)	–	–	±	<1
Палестинская автономия	4,2	2–2,5	Неконсол. демократия	5,44	–	+	++	++	<1
Катар	1,7	73	монархия	3,09	–	–	–	–	<1
Судан	44	2,0	Имитац. демократия	2,42	55% – негры, трайбалистское устройство	..	–	++	<1
ОАЭ	7,5	35	монархия	2,52	–	–	–	–	<1

Примечания

1. Данные WB и IMF (World Bank. 2011, IMF 2011)
2. Данные Economist Intelligence Unit (Democracy index 2010) .
3. Удивительно, что Economist Intelligence Unit (Democracy index 2010) и Freedom House (Freedom 2011) достаточно высоко оценивают страну, где 20% жителей находятся в рабском или полурабском состоянии, а президент пришел к власти в результате военного переворота, впоследствии утвердившись с помощью весьма сомнительных выборов.
4. Данные CIA (CIA 2011), Library of Congress/ Country Profiles (Library 2011) и англ. Википедии. В скобках указаны данные о меньшинствах и непривилегированных группах, конфликты властей с которыми в настоящее время приглушены или открыто не проявлялись.
5. Данные ILO (KLMN 2009), WB (World Bank. 2011), и CIA(CIA 2011), IMF (IMF 2011), дополненные данными национальной статистики различными экспертными оценками (Демография мусульманской молодежи и будущее 2010, Бурова, Коротаев и др. 2011, Коротаев и Зинькина 2011, Ouali 2010, Silverberg M. 2011 и др.) .

Табл. 2. Параметры множественной регрессии

	Коэффициенты регрессии	Стандартная ошибка	t – статистика	Значимость p
Свободный член	-1,0	±0,35	-2,81	0,015
Политический строй	1,46	±0,13	11,4	1*10 ⁻⁷
Доля непривилегированных групп, трайбалистское устройство	0,69	±0,16	4,40	0,001
Компонента, характеризующая уровень безработицы среди молодежи и долю людей с высшим образованием среди них	1,0	±0,25	4,07	0,0015
Волнения и войны в последние годы («выгорание»)	-0,52	±0,16	-3,38	0,005

Весьма существенным фактором оказалось наличие больших непривилегированных и особенно притесняемых, но формально полноправных групп и/или трайбалистское устройство общества. Данный показатель затрагивает едва ли не все условия формирования революционных ситуаций. Во-первых, правительство не обладает полной легитимностью в глазах представителей этих групп, во-вторых, (что следует отметить особо) дает ясные и конкретные лозунги восставшим, в-третьих, наличие альтернативных национальных (религиозных, племенных) элит ослабляет государства, в-четвертых, формирует горячую массу из представителей этих групп. Это еще раз указывает на важность национально-религиозного (националистического) фактора в Арабской весне. К примеру, одно из изменений, внесенных в конституцию Марокко, состояло в объявлении берберского языка вторым государственным языком.

Поэтому прямой перенос полученных результатов на другие регионы, к сожалению, невозможен. У них могут быть другие причины делегитимации властей, например, экономические неудачи. Точнее говоря, и в данном случае экономические причины (рост цен на продовольствие) сыграли роль в развитии революционной ситуации. Значение роста «человеческого капитала» (часто выражаемого с помощью ИЧР) и делегитимацию нелиберальных режимов по мере повышения образованности и благосостояния людей в арабском мире проследить не удалось из-за специфических условий богатых нефтяных монархий Персидского Залива, которым удается с помощью мощного и весьма дорогостоящего патернализма сдерживать порывы к свободе. В некоторой степени и в арабском мире чувствуется различие между бедными (Иордания и Марокко) и богатыми монархиями, но оно меркнет на фоне других более значимых факторов.

К примеру, перечисленные условия не будут полностью релевантны для оценки созревания революционных ситуаций в странах СНГ. Во-первых, практически все режимы стран СНГ находятся в диапазоне от очень мягких имитационных демократий (вплоть до неконсолидированных протодемократий – Украина, Молдавия) до автократий. Во-вторых, пока основные революционные события в СНГ проис-

ходили главным образом в особо слабых имитационных демократиях. С одной стороны, это указывает на важность слабости власти как условия революции, с другой стороны, многолетняя традиция уважения к сильной власти делает слабые правительства СНГ наименее легитимными. Многие из революционных событий в странах СНГ не только фактически заменили слабые имитационные демократии на более сильные (например, в Грузии) или даже автократии (например, в Азербайджане), но явно или неявно выдвигали подобные лозунги. Единственный случай революционных событий в достаточно жесткой автократии (Андижанские события в Узбекистане) были вызваны наличием сильной альтернативной идеологии (исламизма).

Поэтому необходима дальнейшая работа по операционализации сформулированных условий возникновения революционных ситуаций в разных регионах мира. В частности, важнейшей задачей является поиск методов приложения их к странам СНГ и Восточной Европы.

Вкратце рассмотрим на примере Арабской весны, как происходит запуск революционной волны, как ход политических событий превратил тлеющее недовольство в революционную волну, казалось бы, едва ли не на пустом месте.

Во многих работах, прежде всего в работах А. Коротаева (Коротаев и Зинькина 2011в), в качестве основных причин арабской весны указывались примерная одновременность молодежного бугра в странах Ближнего Востока (связанная с ростом их благосостояния в период высоких нефтяных цен в 70-пер. – первой пол 80-х гг.), а также резкий рост цен на продовольствие в 2010-11гг. Можно вполне согласиться с важной ролью этих факторов. Весьма существенно нарастание количества первосортного горючего материала в лице безработных молодых людей с высшим образованием, весьма существенно. Но эти факторы не указывают на момент начала революции. Как мы уже видели (рис. 1), кульминационная стадия молодежного бугра – понятие весьма условное.

Не менее важно и то, что повышение цен на продовольствие, причем весьма значительное (цены на мясо и сахар поднялись примерно полтора раза, и эти продукты, весьма важные для молодых людей, стали им малодоступны), произошло во второй раз за короткий период времени. Упомянутый выше эффект «второго голода» привел многих людей к мысли о неспособности правительств выполнять взятые на себя обязательства и защищать население от недоступности важнейших продуктов питания.

В то же время, несмотря на важность этого эффекта, не следует преувеличивать значение повышения продовольственных цен. Основным продуктом экспорта большинства арабских стран является нефть, а цены на нефть росли и падали примерно синхронно с ценами на продовольствие, причем вариации нефтяных цен были существенно выше. На рисунке 3 представлены индекс цен продовольственных цен и отношение этого индекса к ценам нефти марки Brent. Как легко видеть, при переходе от чистых продовольственных цен к их отношению к нефтяным два страшных горба пропадают, пик цен 2007-2008 гг. смещается на конец 2008 г. – 2009 г., а второй пик цен, вроде бы вызвавший волну революций, предстает как

небольшой холмик; и вообще ситуация с продовольственными ценами в последние годы оказывается более благоприятной для нефтедобывающих стран, чем в первой половине предыдущего десятилетия.

(a)

(b)

Рис. 3. – Рост продовольственных цен (с учетом инфляции) в годы мирового кризиса и временной ряд изменений отношения продовольственных и нефтяных цен

Разумеется, не все арабские страны живут сугубо на нефтяные доходы. С одной стороны, в определенной степени эти графики проясняют, почему основные революционные события произошли в Тунисе, где нет нефти, в Египте и Сирии, где добыча нефти и газа (по сравнению с главными экспортерами нефти) невелика относительно большой численности населения, а также в Йемене, где добыча нефти падает. С другой стороны, даже при государственном дотировании продовольст-

вия и концентрации нефтяных доходов в руках государства все равно должно пройти несколько месяцев от начала повышения цен на нефть до решения об увеличении субсидирования; при неотлаженном рыночном механизме перетекания доходов и большом вывозе капитала лаг составит полгода и более. Поэтому в неэффективных экономиках первые месяцы высоких продовольственных цен все равно были очень тяжелыми для бедного населения. Кстати говоря, не только на Ближнем Востоке, но и во многих не слишком богатых странах мира, включая Россию.

Первые волнения в арабском мире в декабре 2010 года начались, (точнее, продолжались) в постоянно беспокойном Алжире, а также во вроде бы спокойном Тунисе [14]. Общей чертой двух соседних стран является высокий уровень безработицы, причем среди людей с высшим образованием она втрое выше, чем среди менее образованных. В Тунисе по оценке (Silverberg 2011) 52 % дипломированных специалистов были безработными. Также в обеих странах очень высок уровень безработицы среди молодежи - в Тунисе он составлял 30-31%, в Алжире по разным оценкам - от 21% до 43% (Ouali 2010, CIA 2011, World Bank 2011a, Демография мусульманской молодежи и будущее 2010).

Хотя, на первый взгляд положение в Алжире было тяжелее – много выше общий уровень насилия, ниже доход на душу населения, по-видимому, выше уровень безработицы, и т.д., режим пал именно в Тунисе. Можно по-разному объяснять различие исходов революционных событий – некоторым выгоранием революционного пыла алжирских протестующих в предшествующих бурных событиях, большей консолидированностью алжирской власти, алжирской нефтью и т.д. На наш взгляд, все-таки основную роль сыграло противоречие между более светским и модернизированным тунисским обществом и коррумпированной недемократической властью, иначе говоря, между давней демократической (мягче и точнее – невосточной) традицией, идущей еще от времен Карфагена и норманнов, и продолженной в XX веке [15], и «африканским» способом правления Зина аль-Абидина бен Али.

Превращение волнений в одной стране и революции в другой в мощную волну революций, по-видимому, объясняется целым рядом условий:

- сходством ситуаций в арабских странах (коррумпированные недемократические режимы, теряющие легитимность; ощущение неуспешности своих стран, ставящейся в вину непопулярным режимам; «второй голод»; молодежный бугор; большая безработица среди молодежи, особенно среди наиболее образованной и т.д.);
- неожиданной быстротой успеха в Тунисе, мысленно переносимой горячими головами на свои страны;
- изобретением новых технических средств для агитации и консолидации антиправительственных сил (социальные интернет-сети, мобильная связь), против которых правительства не нашли (точнее, и не искали) противоядия;
- фактором Аль-Джазиры.

Необходимость действия множества факторов, на наш взгляд, наглядно демонстрирует пример первой массовой акции в Египте 25 января. После победы революции в Тунисе левые активисты с помощью Интернет-оповещений своих сторонников сумели собрать уже к 19 января 35 тысяч потенциальных участников. 19 января Братья-мусульмане разместили объявление об этом на своем сайте, не объявив официально о своей поддержке, но явно показав благожелательное отношение к будущей акции. Когда 25 января на площадях Каира действительно собрались десятки тысяч человек, сами организаторы, как и декабре этого в Москве, были весьма удивлены их многочисленностью. По-видимому, только совокупное действие победных настроений после событий в Тунисе, интернет-мобилизации своих сторонников левыми активистами, неафишируемой поддержки Братьев Мусульман (и родственников им исламистских организаций) и телевизионной агитации «Аль-Джазиры» привело к необычной массовости «Дня гнева» в Египте и других протестных акций во всем арабском мире.

Здесь надо непременно коснуться одной весьма скользкой темы – речь пойдет о роли «Викиликс» и роли Аль-Джазиры. Рассматривая этот вопрос, мы сразу попадаем на поле конспирологических трактовок арабской весны [16], куда попадать, конечно, не хотелось бы. И, тем не менее, вопрос заслуживает обсуждения. Именно сообщения Викиликс, подтвердившие коррумпированность Абидина и его ближайшего окружения стали одним из главных толчков событий в Тунисе, хотя, конечно, сам Ассанж не мог и думать о таком резонансе своих публикаций.

Сложнее обстоит дело с «Аль-Джазирой». Арабские телепередачи Аль-Джазиры по оценке очень многих источников сыграли значительную роль в событиях арабской весны, а англоязычные репортажи и статьи на сайте телекомпании были одним из важнейших источников информации для всего западного мира, включая политическую элиту и СМИ. При этом заметки на сайте Аль-Джазиры намеренно представляли события в такой форме, чтобы вызвать наибольшую симпатию к восставшим у западного читателя (см., например, Amar 2011). Несколько двусмысленная роль Аль-Джазиры особенно ярко проявилась в начале ливийских событий, когда телеканал передавал ничем не подтвержденную информацию о сильных боях и больших жертвах во время восстаний в Бенгази и других городах Киренаики. Еще более удивительно, что эта информация стала важнейшим аргументом при принятии резолюции СБ ООН № 1973, ибо над Ливией обычно ясное небо, и наверняка космическая разведка США могла зафиксировать реальную картину. Однако мы не защищаем режим Каддафи и не обсуждаем желания Франции (и в меньшей степени других западных стран, а также ЛАГ) приписывать ему дополнительные преступления. Интереснее понять, в чем природа поведения корреспондентов Аль-Джазиры.

На мой взгляд, можно выдвинуть три основные версии:

- корреспонденты выступали в роли агитаторов в соответствии со своими политическими убеждениями при молчаливом одобрении руководства Катара, которому принадлежит телеканал;
- корреспонденты действовали в соответствии со своими убеждениями, но в основе все-таки лежали гласные или негласные распоряжения эмира Катара;

– корреспонденты и Аль-Джазиры и более нейтральной Аль-Арабии опять-таки не шли против своих убеждений, но в основе их действий лежала согласованная позиция монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией, которые желали ослабить или даже свергнуть недостаточно религиозные или несуннитскими режимы в арабских странах.

Наиболее вероятными мне представляются первая и третья альтернативы (ибо трудно приписывать маленькому Катару столь масштабные политические интриги, самому бы не попасть под раздачу), но для выбора между ними у меня не хватает информации. Возможно, готовность Саудовской Аравии распорядиться судьбой других арабских стран (включая вооруженную поддержку властей Бахрейна) объясняется не крепостью власти саудовского королевского дома и его стремлением к гегемонии в арабском мире, а, наоборот, его слабостью, большой вероятностью краха из-за структурно-демографических причин (Turchin 2006) или религиозных и племенных противоречий (Bradley 2011) и стремлением сдерживать центробежные силы с помощью «маленьких победоносных войн».

Однако даже телепередачи Аль-Джазиры не дают хорошего ответа на простой вопрос – почему в 2011 году революции произошли именно в арабском мире. Ведь очень многое из перечисленного выше, относится не только к арабским странам, но и к другим частям «третьего мира». Причем первой в голову приходит Латинская Америка, еще больший регион с единым языком и единой политической культурой. Почему же там не произошло революций?

Оба часто называемых обстоятельства – «молодежный бугор» и два скачка общемировых цен на продовольствие – не в меньшей мере относятся к Латинской Америке, чем к Ближнему Востоку. А так как в экономике Латинской Америки нефть играет меньшую роль, чем в экономиках Ближнего Востока, то и подъем цен на продовольствие там должен был бы переноситься тяжелее. При этом и возрастная структура латиноамериканского населения достаточно сходна с арабской (UN Population Division. 2011), например, доля когорты 20-24-летних в населении лишь немногим меньше, чем в арабском мире (8-9% против 10-11%).

Первое существенное различие – это заметно большие значения ВВП на душу населения в странах Латинской Америки, чем в нефтяных странах Ближнего Востока, однако это преимущество сводится на нет огромным имущественным расслоением в Латинской Америке (значения индекса Джини в латиноамериканских странах в среднем составляют 0,5–0,6 против 0,3–0,4 на Ближнем Востоке – см. World Bank 2011). Одно это обстоятельство могло бы быть причиной и меньшей легитимности несправедливых правительств и большей численности активных протестантов, в число которых могут входить не только молодые люди, но также нищее население фавел более старших возрастов.

Поэтому основные различия не в бедности и не в демографическом факторе, а в других обстоятельствах. Главное различие, на наш взгляд, состоит в их политическом строе. Даже в Венесуэле, самой недемократической стране Латинской Америки по оценке Economist Intelligence Unit (Democracy index 2010), авторитарный правитель Уго Чавес в 2007 году проиграл референдум, недобрав 1 % голосов. Та-

кое невозможно себе представить не только в предреволюционных Египте или Тунисе, но и в существенно мягкой имитационной демократии России. Хотя латиноамериканцы и без уважения относятся к своим парламентам (Тищенко, Халтурина, Коротаев 2010), но исполнительная власть практически во всех странах Латинской Америки действительно выбрана. Латиноамериканские политические режимы являются большей частью нелиберальными демократиями (см. Закария 2004), но отнюдь не являются имитационными, и нет оснований говорить об нелегитимности исполнительной власти. Разумеется, сомнительные выборы, например, в Мексике в 2006 году, могут вызвать бурные народные волнения, но нет причин для их перерастания в общелатиноамериканскую волну революций. После этого различия уже не стоило бы говорить ни о каких других, но все же особо отмечу, что в латиноамериканских странах (за исключением той же Мексики) нет столь массового высшего образования, а доля безработных среди людей с высшим образованием ниже, чем среди менее образованных (World Bank 2011).

Таким образом, сопоставление условий Ближнего Востока и Латинской Америки показало, что выявленные факторы, характеризующие масштаб революционных явлений, действуют не только в арабском мире, где из-за нефтяного характера экономик нарушена общемировая связь между индексом человеческого развития (в т.ч. величиной ВВП на душу населения) и уровнем демократии, но и в регионе с другими традициями и экономическими условиями. В первую очередь в обоих регионах уровень легитимности власти оказался важнее для революционной активности, чем колебания продовольственных цен и уровня жизни. Более того, опыт недавних протестных акций в России также показал важность делегитимации власти. Хотя рост цен в начале 2011 года вызвал существенное влияние на декларируемые протестные настроения, но все же реальные выступления начались именно тогда, когда демонстративный обмен должностями между «диумвирами» и не менее демонстративная фальсификация выборов 4 декабря резко понизили легитимность власти.

Благодарности

В заключение автор выражает глубокую признательность Л. И. Бородкину, Л. Е. Гринину, А. А. Давыдову, А. В. Коротаеву, С. А. Нефедову, Н. С. Розову, А. А. Фомину, Д. А. Халтуриной и всем остальным участникам интернет-дискуссий, без которых не состоялась бы настоящая статья.

Литература

- Аристотель 1983.** *Политика*. Сочинения в 4 т., т. 4. М.
- Берг И. С. 2011.** *Первые плоды «арабской весны»: мнения экспертов*. М.: Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/03-06-11.htm>.
- Боровкова Л.А. 1971.** *Восстание «Красных войск» в Китае*. М.: Наука.

- Бурова А. Н., Коротаев А. В., Малков С. Ю., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2011.** «Структурно-демографический анализ арабской весны 2011 г.» *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А.С. Ходунова М.: Либроком/URSS.
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Васильев Л. С. 1993.** *История Востока*. Т.1,2. М.: Высшая школа.
- Гринин Л. Е. 2010.** «Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции». *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.
- Давыдов А.А. 2011.** «К вопросу о прогнозировании арабских революций 2011 г.» URL: http://www.isras.ru/blog_davydov_06.html.
- «Демография мусульманской молодежи и будущее» 2010.** Газета "Наш Мир" 24.12.2010. URL: <http://nm2000.kz/news/2010-12-24-35068>.
- Закария Ф. 2004.** *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир.
- Зинькина Ю. В. 2010.** «Тенденции политико-демографической динамики и перспективы сохранения политической стабильности в странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки с точки зрения структурно-демографической теории». *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: Либроком/URSS. С. 141–283.
- Изгоев А. С. 1909.** «Об интеллигентной молодежи». *Вехи*, М.: 94-127.
- Институт Ближнего Востока 2011.** *Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке*. М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Щербович А. А. 2011.** *Египетская смута XXI века*. М.: URSS.
- Кашина А. А. 2011.** *Ситуация в Тунисе: январь 2011 г.* М.: Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- Кирдина С.Г. 2001.** *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** «Демографические корни Египетской революции». *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** «Египетская революция 2011 г.». *Азия и Африка сегодня* 6 (647): 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** «Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ». *Азия и Африка сегодня* 7 (648): 15–21.
- Коротаев А. В. 2006.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Восточная литература.
- Косач Г. Г. 2011.** «Движущая сила арабских революций – молодой средний класс». *НГ Дипкурьер* 4 (160).
- Лебон Г. 2011.** *Психология народов и масс* М.: Академический проект.
- Локосов В. В. 1998.** «Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития». *Социологические исследования*, No. 4: 86-94.
- Макинерни Д. 2009.** *США: История страны* М.: Эксмо, Мидгард
- Назаретян А.П. 2003.** *Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии*. Спб: Питер.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса*. М.: Территория будущего.
- Петрунин С. 2010.** «Европейская страна в Африке. Как Тунису удалось стать цивилизованным государством». URL: <http://svpressa.ru/travel/article/32565/>
- Стародубская И.В., Мау В.А. 2004.** *Великие революции: от Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус

- Тищенко С. М., Халтурина Д. А., Коротаев А. В., 2010.** «Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности»)». *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: Либроком/URSS. С. 379-410.
- Троцкий Л. Д. 1997.** *История русской революции. Том 1. Февральская революция* М.: Терра», «Республика,
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/УРСС.
- ФОМ (Фонд Общественное Мнение). 2011.** «Уровень протестных настроений. Доминанты». *Поле мнений* 30: 11–13. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d30yupn1.pdf>
- Фурман Д. Е. 2010.** *Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем.* М.: Весь мир,
- Цирель С. В. 2010.** «Почему в России произошла революция?» / *О причинах Русской революции.* / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Цирель С. 2011.** «Великая Отечественная война спасла Советский Союз?» *Знамя*, № 5: С. 175-184.
- Чуличков А. 2009** *Теория катастроф и развитие мира.* URL: <http://katastrofa.h12.ru/theory.htm>
- Amar P. 2011.** «Why Egypt's progressives win». Aljazeera, 10 Feb 2011 URL: <http://english.aljazeera.net/indepth/opinion/2011/02/20112101030726228.htm>
- Bradley J. R. 2008.** *Inside Egypt: The Land of the Pharaohs on the Brink of a Revolution.* New York: Palgrave Macmillan.
- Bradley J. R. 2011.** «Battle lines» Spectator.co.uk.19 March 2011. URL: http://www.essays/all/6787983/part_1/battle-lines.shtml
- Chesnais J. C. 1992.** *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications.* Oxford: Clarendon Press.
- CIA = Central Intelligence Agency. 2011.** *The World Factbook. Country Comparison: unemployment rate.* Washington, DC: CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129.rank.html> .
- Collins R. 1978.** «Long-Term Social Change and the Territorial Power of States». *Research in Social Movements, Conflicts, and Change* № 1: 1 — 34.
- Cuaresma J. C., Oberhofer H. and Raschky P. 2010.** «Oil and the duration of dictatorships». Working papers in economics and finance No. 2010-03 URL: <http://www.unisalzburg.at/pls/portal/docs/1/1383235.pdf>
- Democracy index 2010.** Democracy in retreat. A report from the Economist Intelligence Unit. URL:http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2010_Web.pdf&mode=
- Egypt State Information Service. 2006.** *Local and Rural Development, SIS Yearbook 2006.* Cairo: Egypt State Information Service. URL: <http://www.sis.gov.eg/en/Story.aspx?sid=2356>.
- Ezzeldin M. 2011.** *Interview. Roots of the Egyptian Revolutionary Moment.* January 29, 2011. http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=6185
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011.** *FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics.* URL: <http://faostat.fao.org/>.
- Freedom = Freedom in the World 2011 Survey Release.** URL: <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=594> .
- Gibney M. 2010.** The Political Terror Scale (PTS): A Re-introduction and a Comparison to CIRI. URL: <http://www.politicalterrorsscale.org/about.php>
- Goldstone J. 1980.** «Theories of Revolutions: The Third Generation», *World Politics*, 32, p.425-453.

- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2001.** «Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory». *Annual Review of Political Science* 4, 139-187
- Goldstone J. 2002.** «Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict». *Journal of International Affairs* 56/1: 11–12.
- Goldstone J. 2003.** «Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions» / *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Mahoney J, Rueschemeyer D. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, P. 41-92.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/>
- Gonzalez S., Borge-Holthoefer J., Rivero A., and Moreno Y. 2011.** «The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network», *Scientific Reports*, 1, 197 .
- Goodwin J. 2001.** *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- IMF = International Monetary Fund, September 2011 World Economic Outlook.** URL: <http://www.google.com/publicdata/overview?ds=k3s92bru78li6> .
- IMF Primary Commodity Prices 2011.** URL: <http://www.imf.org/external/np/res/commod/index.aspx>
- KLMN = Key Indicators of the Labour Market. 6th Edition. International Labour Organization 2009** http://www.ilo.org/empelm/what/lang--en/WCMS_114240.
- Kuran T. 1989.** «A Theory of Unanticipated Political Revolution». *Public Choice*, Vol. 61, No. 1 (Apr. 1989) P.41-74
- Legatum Prosperity Index Report 2010.** Methodology, Data, Findings, and Country Profiles 2010 URL: <http://www.prosperity.com/downloads/2010ProsperityIndexFullReport.pdf>
- Legatum Prosperity Index Report 2010.** Methodology, Data, Findings, and Country Profiles 2010 URL: <http://www.prosperity.com/downloads/2010ProsperityIndexFullReport.pdf>.
- Library = The Library of Congress. Federal Research Division/ Country Profiles 2011.** URL: <http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/profiles.html>.
- Marshall M.G., Cole B.R. 2009a.** Global Report 2009 Conflict, Governance, and State Fragility Center for Systemic Peace and Center for Global Policy. URL: <http://www.systemicpeace.org/Global%20Report%202009.pdf>
- Marshall M.G., Cole B.R. 2009b.** State Fragility Index and Matrix 2009 Center for Systemic Peace and Center for Global Policy URL: <http://www.systemicpeace.org/SFImatrix2009c.pdf>
- Marshall M.G., Cole B.R. 2010.** State Fragility Index and Matrix 2009 Center for Systemic Peace and Center for Global Policy URL: <http://www.systemicpeace.org/SFImatrix2010c.pdf>
- Marshall M.G., Goldstone J., Cole B.R. 2008.** State Fragility Index and Matrix 2009 Center for Systemic Peace and Center for Global Policy URL: <http://www.systemicpeace.org/SFImatrix2008c.pdf>
- Moller H. 1968.** «Youth as a Force in the Modern World». *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.
- North D.C., Wallis J. 1994.** «Integration Institutional Change in Economic History». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 150, No 4, p. 609-624.
- Ouali M. 2010.** Algerian unemployment falls. Magharebia in Algiers – 27/12/10 URL: http://magharebia.com/cocoon/awi/xhtml1/en_GB/features/awi/features/2010/12/27/feature-01.
- Roehner M, Sornette D., Andersen J.V. 2004.** *Response Functions to Critical Shocks in Social Sciences: An Empirical and Numerical Study*. URL: <http://arxiv.org/abs/cond-mat/0402408>
- Silverberg M. 2011.** «Revolution In Tunisia: What Next?» *Hudson New York* January 24, 2011 URL: <http://www.hudson-ny.org/1816/revolution-in-tunisia>.

- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*, New York: Cambridge University Press.
- Tilly Ch.1993.** *European Revolutions, 1492-1992*. Oxford: Blackwell.
- Transparency International. 2010.** *Corruption Perceptions Index 2010*. Berlin: Transparency International.
- Turchin P. 2003.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P. 2006.** «Scientific Prediction in Historical Sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud». *History & Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. C. de Munck. Moscow: KomKniga/URSS. P. 9–38.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** «Population Density and Warfare: A Reconsideration». *Social Evolution & History* 5/2: 121–158.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- U.S. Bureau of the Census. 2010.** *World Population Information*. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html>.
- U.S. Department of Labor: Bureau of Labor Statistics 2011.** Producer Price Index: All Commodities <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/PPIACO>
- UN Population Division. 2011.** United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database. Retrieved on the 17th of July, 2011 URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Wahba K. 2011.** The Egyptian Revolution 2011: The Fall of the Virtual Wall - The Revolution Systems Thinking Archetype. *Preliminary Conference Proceedings July 25 – 29, 2011*. Washington, DC URL: <http://www.systemdynamics.org/conferences/2011/prelimproceed.html>
- Wallis J., North D. 1987.** «Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970». In: *Long-Term Factors in American Economic Growth*. Ed. by S. Engerman, Chicago,
- Watkins K. 2011b.** *Education failures fan the flames in the Arab world*. URL: <http://efareport.wordpress.com/2011/02/23/education-failures-fan-the-flames-in-the-arab-world/>
- World Bank. 2011.** World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- Xie J., Sreenivasan S, Korniss G., Zhang W., Lim C, and. Szymanski B. K. 2011.** «Social consensus through the influence of committed minorities». URL: http://arxiv.org/PS_cache/arxiv/pdf/1102/1102.3931v2.pdf

-
- [1] Здесь и далее речь идет только о социальных революциях.
- [2] Статья переведена на русский язык и доступна в сети (к сожалению, без списка литературы) по адресу http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf.
- [3] <http://en.wikipedia.org/wiki/Revolution>
- [4] Все определения приведены в вольном переводе автора.
- [5] Согласно работами Д.Норта и Ж.Валлиса транзакционные услуги уже середине XX века достигали до 40-50 % ВВП развитых стран, и их вклад продолжает увеличиваться (Wallis and North 1987, North and Wallis 1994).
- [6] В Википедии (http://en.wikipedia.org/wiki/Revolutionary_wave) приведен еще более обширный список, но нам он представляется чересчур широким; согласно тому списку почти половина времени из последних 250 лет приходится на волны революций.
- [7] Модели сетей, рассматриваемые в данной статье, разумеется, весьма упрощены, но все же достаточно реалистичны для свободного обмена мнениями в сети. Применимость их для анализа революционных ситуаций, естественно, проблематична.
- [8] Впрочем, перенос процесса подготовки революций из тайной сферы конспирации в доступный исследователям Интернет, а также общее смягчение правящих режимов, расширяющее возможности измерения с помощью социологических опросов уровней легитимности правительств, протестных настроений и даже готовности принять участие в акциях протеста, открывает новые перспективы прогнозирования революций.
- [9] Эти и другие оценки основаны не на собственных наблюдениях автора, а на анализе литературных источников и могут содержать переоценки или недооценки значений каких-либо индексов для отдельных стран, однако автор надеется, что эти отклонения не превышают одного ранга во введенных шкалах.
- [10] Разумеется, перевес означает не прямое сравнение численности или, тем более, вооружения сторон, а некое реальное соотношение, включающее в себя прежде всего моральные силы сторон, их внутреннее единство, готовность к решительным действиям и многие другие факторы, определяющие победу в таком виде политической борьбы без правил, каким являются революции.
- [11] На первый взгляд, было бы логично считать, что конституционная монархия с двойной легитимацией (от Бога и от народа) имеет более высокую легитимность, чем абсолютная. Однако фактически конституционные монархии – это расшатанные абсолютные монархии, в которых выборы служат подпоркой, они склонны эволюционировать в сторону большего участия выборного начала. Данный процесс, судя по опыту Англии, в дальнейшем сможет остановиться лишь тогда, когда наоборот, монархия начнет выполнять роль подпорки и хранительницы традиций для парламентской демократии. Такая трактовка частично объясняет, почему революция 1905 года не остановила преобразования государственного строя в России, а в конечном счете привела к 1917 году. Отчасти такое же соотношение выполняется для автократий и имитационных демократий, ибо последняя является не слишком устойчивым строем, склонным эволюционным путем переходить в автократию или, наоборот, революционным путем – в настоящую демократию (протодемократию).
- [12] Не встречается в арабском мире, добавлена для полноты введенной шкалы.
- [13] Формулу для ее вычисления можно записать в виде: (доля безработных с высшим образованием среди молодежи) – $1,13 \cdot$ (уровень безработицы среди молодежи), где оба фактора представлены ранговыми значениями..
- [14] По-видимому, разжиганию волнений сильно поспособствовали публикации Wikileaks про коррупцию в Алжире, Тунисе и Марокко. По мнению многих обозревателей особенно важную роль они сыграли в Тунисе, где разоблачения напрямую касались президента, его семьи и их ближайшего окружения.

-
- [15] См. достаточно характерную статью про Тунис, написанную за 2 месяца до начала революции (Петрунин 2010)
- [16] По-видимому, нет ни одной революции, для которой люди с определенным складом ума не придумали бы конспирологических трактовок. Однако существенная роль Викилис, Аль-Джазиры и Интернет-сетей в событиях арабской весны, близость Израиля и мировых центров добычи нефти дали расширили просторы конспирологического творчества для запредельных величин.